Воробьева Оксана Викторовна

ГУМАНИТАРНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ РУССКОЙ АМЕРИКИ: СПЕЦИФИКА И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ (1920-1940-Е ГГ.)

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2011/8/8.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2011. № 8 (51). С. 26-30. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2011/8/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Последовательная реализация психологической концепции соотношения вины, мотива и цели преступления невозможна без системной переоценки норм Уголовного кодекса РФ и Уголовно-процессуального кодекса РФ. И. А. Петин считает, что как в теории, так и в законе (п. 2 ч. 1 ст. 73 УПК РФ) признается значимость мотивов деяния и необходимость установления их по делу [Там же]. Однако мотив преступления не всегда указывается в диспозиции статей Особенной части УК РФ. Почему же тогда законодатель в УПК РФ относит его к обстоятельствам, подлежащим доказыванию по уголовному делу, вместе с тем, не включает в предмет доказывания цель преступного поведения. Обстоятельства, перечисленные в ст. 73 УПК РФ, в теории уголовного процесса отождествляют с предметом доказывания [2, с. 89].

С. А. Шейфер отмечает, что предмет доказывания как процессуальная категория имеет материально-правовую основу в виде положений уголовного права, определяющих понятие преступления, элементы его состава, отдельные виды преступлений и т.д. [7, с. 80]. Таким образом, выделяется «главный факт», который отождествляется с составом преступления, то есть определенными в уголовном законе обстоятельствами, без доказательства которых невозможно сделать вывод о виновности лица. В. А. Лазарева относит к «главному факту» и мотив преступления, основываясь на положениях УПК [2, с. 90-92]. Однако мотив, являясь факультативным признаком состава, не всегда включается в состав преступления. Соответственно, предмет доказывания не ограничивается «главным фактом». Представляется, что законодатель при отнесении мотива к обстоятельствам, подлежащим доказыванию, руководствовался психологическим пониманием вины. Мотив же (наряду с целью) играет ключевую роль при раскрытии данного обязательного признака. Отсутствие указания на цель в ст. 73 УПК РФ характеризуется исследователями как недостаток законодательной техники. Такое замечание имеет под собой как психологические основы (с учетом сущностного понимания вины и цели и их соотношения), так и нормативные - с учетом системного анализа УПК РФ (ст. 220, 225, 307 УПК РФ) [6, с. 43-46].

Уголовно-процессуальное законодательство в плане учета мотива и цели преступления имеет подчиненный уголовному праву характер, то есть от того, какое значение этим признакам придается в теории уголовного права и в уголовном законодательстве, зависит их учет в уголовно-процессуальном законодательстве.

Таким образом, обозначенные в настоящей статье возможные изменения в законодательную конструкцию вины должны иметь под собой основательную научную базу. Существует необходимость в фундаментальных комплексных научных исследованиях мотива и цели преступления, которые отражали бы современные проблемы законодательства и практики его применения. Такие исследования могут способствовать преодолению формального подхода в определении вины при квалификации преступлений.

Список литературы

1. **Бикеев И.** Актуальные проблемы учения о субъективной стороне преступления // Уголовное право. 2002. № 3. С. 9-13.
2. **Лазарева В. А.** Проблемы доказывания в современном уголовном процессе России: учеб. пособие. Самара: Самарский университет, 2007. 303 с.
3. **Лунеев В. В.** Субъективное вменение. М.: Спарк, 2000. 70 с.
4. **Мальцев В.** Принцип вины в уголовном законодательстве // Уголовное право. 2003. № 3. С. 41-43.
5. **Петин И. А.** Мотив и цель как сущностные критерии поведения индивида и вменения преступного вреда [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс: Версия Проф», 2009.
6. **Тазин И. И.** Значение субъективной стороны преступления в предмете доказывания по уголовным делам // Российское правосудие. 2009. № 8 (40).
7. **Шейфер С. А.** Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М.: Норма, 2008. 240 с.

УДК 970+008(470)

Оксана Викторовна Воробьева
Российский государственный университет туризма и сервиса, г. Москва

ГУМАНИТАРНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ РУССКОЙ АМЕРИКИ: СПЕЦИФИКА И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ (1920-1940-Е ГГ.)©

Как показывают многочисленные мемуарные источники и научные исследования, подавляющее большинство российских эмигрантов в различных странах и регионах мира в 1920-1930-е гг. проявляли исключительное упорство и трудолюбие в борьбе за выживание, стремились к восстановлению и повышению утраченного в результате революции социального статуса и материального положения, получению образования и т.п. Существенную роль в данном процессе играла деятельность благотворительных и гуманитарных организаций, как эмигрантских (Земгор, Союз городов и др.), так и иностранных. Их активность была направлена главным образом на помощь детям-сиротам, инвалидам, престарелым, а также на поддержку

© Воробьева О. В., 2011

эмигрантской студенческой молодежи. При этом основное внимание и российских зарубежных и иностранных благотворительных учреждений было обращено на проблемы русских беженцев в Европе.

Система общественной взаимопомощи российской эмиграции в США и Канаде 1920-1940-х гг. имела определенные отличия от гуманитарных структур, существовавших в Европе. Ее основной целью было включение вновь прибывших в страну соотечественников в американскую жизнь. Практически полностью исключалась возможность паразитирования беженцев на благотворительности, тем более, что ее объемы были весьма скромными, особенно после прекращения выплат со счетов русских дореволюционных учреждений, которыми распоряжалась дипломатическая миссия.

Американские и канадские гуманитарные структуры (Американский Красный Крест, YMCA и другие организации) также не оказывали почти никакой поддержки российским эмигрантам, прибывавшим на Североамериканский континент. При этом американскими благотворительными фондами была собрана значительная сумма (15000 фунтов стерлингов), предназначенная для программы расселения российских беженцев из Константинополя. АРА (Американская администрация помощи) занималась вопросами питания данной группы беженцев [18, с. 121].

Осенью 1922 г. американские благотворительные организации свернули свою деятельность в Европе, что отрицательно сказалось на положении российских эмигрантов. Поездка Нансена в США, где он сделал серию докладов о положении русских, армянских и греческих беженцев, не имела реальных результатов, хотя был создан Комитет связи для рассмотрения наиболее острых проблем беженства. В него вошли представители Рокфеллеровского фонда и Моргана [Там же, с. 129-130]. Именно американские организации стали выступили с идеей массовой репатриации русских беженцев, которую поддержала не только Лига Наций, но и некоторые эмигрантские структуры, в том числе Российское общество Красного Креста за границей. В то же время, в начале 1922 г. Б. А. Бахметев констатировал рост интереса американцев к русской эмиграции, особенно к положению детей, студенчества, квалифицированных специалистов [Там же, с. 162].

В апреле 1927 г. журнал «Пробуждение», издававшийся в Детройте (штат Мичиган), отмечал, что у российских эмигрантов в США «появляется сознание ответственности и общественного долга» в отношении судеб русского народа в России и миллионов русских эмигрантов [13, с. 1]. Однако интерес к «русскому вопросу» в российской эмигрантской среде Северной Америки был все же на порядок слабее, чем в Европе и на Дальнем Востоке. На внутреннем климате в общественно активной части российской колонии в США и Канаде сказывалась оторванность от других политических и культурных центров зарубежной России. Слабая информированность о настроениях эмиграции в Европе, трудность участия в общественно-политических и научных форумах российского зарубежья, наконец, специфика адаптационных процессов, способствовали равнодушному отношению русской колонии в Северной Америке к тем вопросам, которые бурно обсуждались эмигрантами в Париже.

Российские беженцы, отправлявшиеся в Америку, порой становились объектом критики со стороны политических и военных лидеров зарубежной России, которые были заинтересованы в сохранении в эмигрантской среде идеи скорого возвращения на родину, а в ряде случаев, реваншистских настроений. (В Европе эти настроения подпитывались близостью российских границ и возможностью для определенных групп беженцев существовать за счет разного рода благотворительных фондов). Один из корреспондентов генерала А. С. Лукомского сообщал из Детройта в конце декабря 1926 г.: «Все раскололись на группы-партии, каждая с незначительным количеством членов - 40-50 человек, а то и меньше, спорят из-за пустяков, забывая главную цель - восстановление Родины!» [2, д. 126, л.72].

В период 1920-1930-х гг. Соединенные Штаты неоднократно посещали общественно-политические лидеры и деятели культуры российской эмиграции из Европы. Как правило, эти поездки были связаны со сбором средств на благотворительность или попытками добиться от американского руководства поддержки политических и финансовых интересов эмиграции. Так, П. Н. Милюков и Н. Д. Авксеньев предприняли поездку в США накануне Вашингтонской конференции 1921 г. В том числе, они были приглашены в Русско-Американскую торговую палату, где «произвели весьма благоприятное впечатление» [19, с.101].

Большим авторитетом в США пользовался председатель Земского союза князь Г. Л. Львов. По свидетельству Б. А. Бахметьева, Америка «резко выделила князя из всех других русских и искренне его полюбила» [Там же, с. 144]. Львову симпатизировал президент Гувер, он сумел установить «по своим земским делам» конструктивные отношения с Государственным департаментом [Там же, с. 101]. Г. Е. Львову удалось получить в Государственном казначействе США деньги со старых счетов Земского союза, которые были им переведены в Париж [Там же, с. 163].

В 1927 г. один из руководителей Российского Земско-Городского комитета (Земгора) А. И. Коновалов предпринял поездку в США, где ему удалось добиться на нужды российских беженцев дара в 50000 долларов от фонда Рокфеллера и ряда пожертвований от других благотворительных организаций. Для этого им были сделаны «тысячи письменных индивидуальных весьма варьированных обращений, выступлений по радио, обращения в школах к девицам, митингование в дамских салонах, поездки, разъезды и т.п., и т.п.» [12, с. 549]. Собранные средства направлялись, главным образом, в Европу, где наиболее активно действовал Земгор, и не были доступны русским беженцам в Америке.

Важную роль в адаптации российских эмигрантов в США сыграли посольство России в США, возглавлявшееся Б. А. Бахметьевым, и организованные им же Закупочная комиссия и русское Информационное бюро в Нью-Йорке. В Соединенных Штатах находились в государственном казначействе и частных банках

находились довольно значительные средства, на которые могла рассчитывать российская эмиграция [20, с. 22-25]. В частности, это были счета дипломатических учреждений дореволюционной России и Временного Правительства [9, с. 106-107], Земского Союза, совместных русско-американских предприятий и т.п. Многие русские эмигранты, в том числе В. Зворыкин, О. Струве, И. Сикорский, С. Тимошенко и др. пользовались поддержкой Б. А. Бахметьева в первые годы пребывания в США. Важнейшим результатом общественной деятельности Бахметьева стало создание Российского гуманитарного фонда в США, главой которого он являлся многие годы. Он же возглавлял Фонд помощи российским студентам [Там же, с. 71].

Согласно отчетам русского финансового агентства на расходы по оказанию помощи беженцам на 1 июля 1922 г. предназначалось более 938 тысяч долларов [3, д. 13, л. 14]. На счет помощи беженцам за период с 1 ноября 1920 по 1 июля 1922 г. российской дипломатической миссией было перечислено более 915500 долларов, не считая сумм, переведенных в Париж Финансовому совету и кредитов Обществу содействия русским. К 1 сентября 1923 г. общий объем помощи вырос до 986536 долларов [Там же, л. 18]. В 1921-1924 гг. Обществом содействия русским было выдано пенсий на сумму более 35000 долларов, пособий - свыше 23000, ссуд - 13000. Общество финансировало дамскую мастерскую, бюро труда, общежитие и бесплатную столовую [Там же, д. 17, л. 44-45].

Перечислялись средства также Американскому и Русскому Красному Кресту, Русскому комитету в Варшаве, Комитету помощи инвалидам в Берлине и т.п. [Там же, д. 13, л. 258-266]. В поддержке русских деятелей культуры и искусства в США и Канаде участвовали такие организации, как Русская академическая группа в США и Литературный фонд, возглавлявшийся М. Е. Вейнбаумом.

Представители Русской академической группы в Америке - К. М. Оберучев, С. М. Ингерман и др. в 1919 г. вошли в состав учредителей Фонда помощи нуждающимся литераторам и ученым в России (Fund for the Relief of Men of Letters and Scientists in Russia). Председателем фонда стал Оберучев, секретарем - Д. Крынкин [4, д. 33, л. 12-13]. Задачами Фонда были: защита авторских прав, устройство стипендий, печатание трудов в Америке, помощь в переезде в США, сбор денег и предметов необходимости для нуждающихся писателей и ученых [Там же, л. 16-17].

В 1926 г. в Нью-Йорке группой российских эмигрантов - членов YMCA было основано Общество помощи русским детям (Russian Refugee Children's Welfare Society), действующее и в настоящее время.

Гуманитарные и благотворительные организации российской эмиграции в США и Канаде принимали участие в ряде общественных акций международного характера, разворачивавшихся в 1920-1930-е гг. в большинстве центров зарубежной России. К таким мероприятиям принадлежат «День русской культуры» и День русского инвалида». Следует отметить, что сборы в пользу инвалидов и другие благотворительные акции российской эмиграции в США адресовались, не столько американским, сколько европейским диаспорам, а также нуждающимся в советской России.

Фонд помощи литераторам и ученым России не только помогал эмигрантам в Швейцарии, Германии, Франции и других странах, но и отправил в 1921 в Петроград на 500 долларов продуктов для распределения между нуждавшимися писателями и учеными в России. Посылки шли сначала через АРА, а в период нэпа непосредственно посылались организациям и частным лицам в СССР, поскольку Фонд имел в Москве собственное отделение [Там же, д. 99, л. 1-24]. Через русскую печать в Америке Фонд регулярно обращался с просьбой о пожертвованиях [7, с. 42].

Комитет при Русской Православной Церкви в Америке также передавал деньги АРА на продуктовые посылки в Россию, в том числе, для бедствовавшего духовенства. В церковной печати перечислялись поименно лица, которым адресовалась помощь с указанием сумм. Всего только за 1922 г. этой организацией было выплачено 1805 долларов в помощь голодающим в России.

Русский клуб в Филадельфии передал по случаю «Дня русского инвалида» 1926 г. 164 доллара Комитету баронессы О. М. Врангель для балканских инвалидов [2, д. 133, л. 1]. Из отчета Общества помощи русским военным инвалидам видно, что только в 1928 г. через него было послано в Европу около 28 тысяч долларов, собранных российскими эмигрантами в Америке [11, с. 5].

Помощь нуждающимся в Европе и России направляла и издательская группа «Зарница». Весной 1926 г. редакцией «Зарницы» было получено письмо из Болгарии из города Лесковца от группы эмигрантов-инвалидов, участников мировой войны. Они просили о материальной помощи, редакцией было собрано 10 долларов, напечатано объявление [6, с. 27]. Сообщалось также, что вечер в честь Московского Художественного театра, организованный в том же году при участии издательско-просветительной группы «Зарница», дал хороший материальный результат. Были покрыты все расходы на мероприятие, а остаток в $ 50 был передан в пользу беспризорных детей советской России [5, с. 26].

С началом Второй мировой войны это общественное движение получило новый импульс. Некоторые организации, например Нью-Йоркский отдел Российского имперского союза и отдел Союза мушкетеров в Сан-Франциско оказывали поддержку исключительно белым эмигрантам, в том числе, ими проводился сбор средств в Фонд помощи профессора генерала Н. Н. Головина, находившегося в оккупированной Франции [1, с. 3]. 17 ноября 1945 г. состоялся благотворительный концерт женского хора Храма Христа Спасителя в Русском клубе Нью-Йорка в пользу русских военных инвалидов Первой мировой войны, проживающих в Ницце [16, с. 4]. Объединенный комитет русских национальных организаций (ОКРНО) в 1940 г. основал «Фонд имени Николая II помощи страждущим от войны в Западной Европе» [22, с. 208]. 16 июля 1940 г. на

собрании памяти Николая II, организованном ОКРНО присутствовало около 80 человек, в том числе, представители офицерских обществ [15, с. 5].

В это же время в российских колониях в США и Канаде развернулось широкое движение в поддержку воюющей с фашизмом России. Фонд помощи русским писателям и ученым отправлял именные посылки и едой и одеждой в советскую Россию и во Францию российским литераторам и деятелям, «за исключением тех немногих, кто запятнал себя сотрудничеством с немцами» [10, с. 3].

Русского народное общество взаимопомощи в Америке (с 1944 - АРОВ) после нападения Германии на СССР сформировало Комитет медицинской помощи СССР, а позднее - Объединенный комитет из представителей различных организаций, который устраивал лекции и концерты, распространял брошюры с разъяснением важности помощи советской России. 12 апреля 1946 г. АРОВ было награждено грамотой от американского правительства за патриотическую работу во время войны [21, с. 19]. Оборонческие позиции занимало и Русское объединенное общество взаимопомощи в Америке (РООВА), организовывавшее лекции «в помощь русскому народу» и акции по сдаче талонов на сахар для посылки его в воюющую Россию.

В апреле 1942 г. Центральный комитет помощи России в Сан-Франциско во главе с К. П. Барским организовал «Неделю помощи России», в течение которой было собрано более 5000 долларов. На эти деньги были приобретены и отправлены в СССР два рентгеновских кабинета [22, с. 212].

В конце Второй мировой войны и после ее окончания российские эмигрантские организации в США и Канаде выступили с идеей формирования Комитета по делам иммиграции русских из Европы, который совместно с Толстовским фондом и другими объединениями организовывал обеспечение новых беженцев продуктами питания и одеждой [14, с. 5]. Во второй половине 1940-х г. развернул аналогичную активность и Русско-американский союз защиты и помощи русским вне СССР [17, с. 3].

Таким образом, в 1920-1940-е гг. в Русской Америке сложилась система благотворительных и гуманитарных объединений российской эмиграции, деятельности которых была направлена на содействие адаптации в США и Канаде социально незащищенных категорий российских иммигрантов, а также на оказание финансовой помощи нуждающимся соотечественникам в других странах мира и советской России.

Характерной чертой общественной жизни российской эмиграции в США и Канаде было соединение благотворительных и культурно-просветительных функций в руках одной организации в рамках города, штата, провинции или церковного прихода. Активную роль в устройстве таких организаций играли дореволюционные эмигранты левых направлений, создававшие беспартийные общества взаимопомощи и просвещения, в названии которых часто присутствовало определение «прогрессивный».

В то же время, эмигранты «второй волны», имевшие в большинстве своем более высокий образовательный уровень, чем «старые» эмигранты-общественники, а также опыт организационной деятельности, в конце 1920-х - 1930-е гг. отвоевали некоторые ведущие посты в крупных культурных объединениях и обществах взаимопомощи и повлияли на их идейное направление и состав.

Во второй половине 1930-х - 1940-е гг. ведущую роль в системе общественных организаций российского зарубежья в США играло Русское объединенное общество взаимопомощи в Америке, имевшее разветвленную сеть отделов во многих городах и штатах и сочетающей функции социальной взаимопомощи с культурно-просветительной работой.

В 1939 г. в США была основана А. Л. Толстой неправительственная благотворительная организация «Толстовский фонд», среди учредителей и благотворителей которого были И. И. Сикорский, С. В. Рахманинов, Б. А. Бахметев, Т. А. Шауфус. Почетным председателем фонда с 1939 по 1964 г. являлся Герберт Гувер. Фонд был создан в целях помощи эмигрантам первой послереволюционной волны, однако его основная активность развернулась во время и после Второй мировой войны и была направлена на поддержку новых волн беженцев и перемещенных лиц.

Традиции общественной благотворительной деятельности, сложившиеся в 1920-1940-е гг. в Русской Америке, получили новый импульс развития в 1990-е - 2000-е гг., когда в рамках русскоговорящего сообщества в США и Канаде возникло движение по оказанию гуманитарной помощи детям-сиротам, многодетным семьям и другим нуждающимся в поддержке категориям населения России, а также по содействию российским культурным и образовательным программам.

Список литературы

1. **Вера в победу.** Нью-Йорк, 1941. № 7.
2. **Государственный архив Российской Федерации** (ГАРФ). Ф. 5826. Оп. 1.
3. **Там же.** Ф. 5863. Оп. 1.
4. **Там же.** Ф. 5930. Оп.1.
5. **Зарница**: ежемесячный литературный и научно-популярный журнал / русская группа «Зарница». Нью-Йорк, 1926. Т. 2. № 9. Февраль.
6. **Там же.** № 10.
7. **Там же.** № 12. Май.
8. **Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века**: энциклопедический биографический словарь. М., 1995.
9. **Миронова Е. М.** Дипломатическое ведомство антибольшевистской России // Проблемы истории Русского зарубежья: материалы и исследования. М., 2005. Вып. 1.
10. **Новое Русское слово.** Нью-Йорк, 1944. № 11887. 12 ноября.

11. Однокашник: периодический журнал Объединения в Северной Америке бывших воспитанников российских кадетских корпусов. 1929. № 2. Март.
12. Политическая история русской эмиграции. 1920-1940-е гг.: документы и материалы: учебное пособие. М., 1999.
13. Пробуждение. Детройт, 1927. № 1. Апрель.
14. Россия. Нью-Йорк, 1940. № 3302. 26 января.
15. Там же. № 2914. 18 мая.
16. Там же. Нью-Йорк, 1946. № 3375. 15 мая.
17. Там же. № 3448. 29 августа.
18. Русские беженцы. Проблемы расселения, возвращения на родину, урегулирования правового положения. 1920-1930-е годы: сборник документов и материалов / сост. З. С. Бочарова. М., 2004.
19. «Совершенно лично и доверительно!»: Б. А. Бахметев - В. А. Маклаков. Переписка. 1919-1951: в 3-х т. М., 2002. Т. 2. Сентябрь 1921 - май 1923.
20. Тер-Асатуров Д. Г. Записка о деятельности Российского представительства в Америке (Посольства в Вашингтоне и Заготовительного Комитета в Нью-Йорке) после большевистского переворота в России. Picton (Nova Scotia), 1923.
21. Тридцать лет Американо-Русского общества взаимопомощи: 1920-1950. Нью-Йорк, 1950.
22. Хисамутдинов А. А. В Новом Свете или история русской диаспоры на Тихоокеанском побережье Северной Америки и Гавайских островах. Владивосток, 2003.

УДК 72.04:73

Елена Александровна Догонина
Московская государственная художественно-промышленная академия им. С. Г. Строганова

СМЫСЛОВЫЕ И СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПЛАСТИЧЕСКОГО ПАННО В АРХИТЕКТУРЕ АР ДЕКО©

Пластическая трактовка декоративного панно в стиле ар деко развивалась в двух основных направлениях - мотива и сюжетной линии. Мотив являлся первичной смысловой единицей, его основным качеством была не столько содержательность сколько декоративность. В рамках флорального или флорально-анималистического мотива авторы стремились раскрыть наиболее яркие декоративные качества, выявляя несколько характерных черт и основывая на них всю композиционную канву произведения. Иногда мотив перерастал свои декоративные качества и становился символом, наделенным вполне определенной идеей. Но основной его ролью оставались выразительные визуальные качества, не осложненные глубоким содержательным смыслом.

Декоративного архитектурного панно ар деко во многих направлениях заключали в себе общие черты с панно в интерьерных ансамблях: они обращались к реминисценциям, многофигурным развернутым повествовательным сюжетам и лаконичным мотивам. Пластическое решение декоративного панно в архитектуре ар деко зачастую было направлено на отображение смысловой содержательности. Основную часть произведений этого направления представляли сюжетные композиции. Развернутость повествования, обусловленное темой панно, зависела от роли декоративного панно в архитектурном ансамбле.

Подобный пример демонстрирует пластический декор на фасаде здания Дома радиовещания, Лондон, 1932 год выполненный скульптором Эриком Гиллом. Над центральным входом в здание была размещена фигура шекспировского персонажа Просперо, придерживающего руками духа воздуха Ариэля, символизировавшего британское радиовещание. В этом произведении скульптурная пластика нашла довольно полное выражение в лаконичной трактовке фигур.

Образы Просперо и Ариэля, венчающие центральную часть фасада здания представляли собой круглую скульптура, дополненную рельефными панно «Ариэль между мудростью и веселостью» и «Ариэль слушает небесную музыку». Композиция обладала ярко выраженной доминантой, в качестве которой выступал дух воздуха, а дополняющими её элементами фигуры двух его спутниц, замыкающих композиционный строй. Фигуры мальчика Ариэля и девушек трактованы очень лаконично, в пластике отсутствует детальная проработка, емкие выразительные средства настраивают на обобщенное восприятие образов. Этому способствует замкнутость композиции: раскинутые руки мальчика объединяют все три фигуры, а декоративно уложенные складки одеяний девушек образуют симметричные орнаментальные вставки, придающие композиции уравновешенность и статичность. Предназначение здания и его функция нашли воплощение в декоративном рельефе, изображающем воздушную стихию радиоволн.

Яркой декоративной выразительности достигали художественные средства пластических панно на здании Лондонской электрической железной дороги, созданные несколькими скульпторами в 1927-1929 годах. Практически все композиции представляли собой тематическое единство и в различных пластических вариациях изображали Северный, Восточный, Западный и Южный ветры. Над рельефными панно трудились Якоб Эпштайн, Эрик Гилл, Алан Вьен, Эрик Амонье, Самуэль Рабинович и Генри Мур.

© Догонина Е. А., 2011